

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДОНСКИХ ГОВОРОВ И ДОНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Марина Валерьевна Флягина

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания Южно-го федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: mvflyagina@sfedu.ru

ORCID 0000-0001-8990-8629

Аннотация. Статья посвящена выявлению принципов концептуализации географического пространства в устной традиции донских казаков и донском художественном тексте. Отмечено, что образы географического пространства не только моделируют целостную картину восприятия территории как особого культурно-символического пространства, но и позволяют выявить факторы, способствовавшие формированию региональной языковой картины мира, особую значимость имеют история заселения донской территории и сложившиеся здесь социально-экономические отношения. Важное место в концептуализации донского географического пространства отводится водным объектам, центральным образом является река Дон, ставшая не только географическим, но и символическим центром новой русской территории, названной ее именем. В статье на материале гидронимических апеллятивов проанализированы лексические репрезентанты понятийного и метафорического уровней концепта, выявлена аксиологическая составляющая, представленная в диалектных и авторских высказываниях. Показано, что река концептуализируется в диалекте не только как элемент ландшафта, но и как важнейший объект хозяйственной и духовной деятельности человека. В фольклорных текстах номинации водных объектов имеют высокую степень символизации и отражают спаянность географического пространства с мифологическим и историческим контекстом: в песнях и пословицах донских казаков Дон выступает символом их свободы, дома, семьи и памяти о героическом прошлом, заговоры связывают традиционные представления жителей исследуемой территории с общеславянской традиционной духовной культурой, в которой водные объекты представляются проницаемой границей между этим и тем светом, на которой происходит борьба добра со злом. Включение диалектной лексики в структуру региональных художественных текстов создает достоверность изображения жизни донских казаков и органично вписывается в общую систему художественных образов, позволяет писателям показать неразрывность казачьего уклада жизни и природы.

Ключевые слова: донские говоры, казаки, образы географического пространства, диалектизмы, образ реки, географические апеллятивы

Одним из ведущих аспектов изучения языка и культуры народа в последние десятилетия становится исследование региональной идентичности методами лингвокультурологии. Ученые обратили внимание на то, что региональная идентичность определяется спецификой исторических и географических условий и формируется с учетом культурного опыта и традиций территории.

Культурно-когнитивные доминанты региональной идентичности отражают особенности восприятия носителями языка объектов окружающего мира сквозь призму традиционной культуры, зафиксированной в устной народной и элитарной культуре, формируя тем самым национальный характер и являясь культурными символами отдельно взятого региона.

Значимым концептом региональной картины мира является географическое пространство, наиболее интенсивно актуализирующееся в разговорном, диалектном, дискурсе и связанном с ним региональном художественном тексте. Образы географического пространства моделируют целостную картину восприятия территории как особого культурно-символического пространства, сформировавшегося под влиянием совокупности исторических, географических, культурных, социально-экономических факторов. Язык народа аккумулирует локальные истории и символы окружающего простран-

ства, опредмечивая его и отражая специфику национального самосознания.

Особое место в концептуализации географического пространства донской территории занимают водные объекты. Реки, и прежде всего центральная водная артерия исследуемой территории река Дон, с самого начала формирования донского казачества как особого социума определяли характер жизнедеятельности населения. Донские казаки сначала были воинами, скотоводами и рыбаками и только с XVIII в. начали заниматься земледелием. Казаки строили городки и станицы вблизи рек, которые были не только источником воды и пищи, но и основными транспортными магистралями, обеспечивающими сообщение между отдельными районами Подонья. Этими и собственно языковыми факторами объясняется формирование обширной группы народной гидронимической терминологии донских говоров, которая включает как общерусские лексические единицы, так и локальные диалектные наименования, мотивированные спецификой хозяйственного уклада казаков и особенностями природных условий, а также ролью водных объектов в системе культурных ценностей носителей диалектов.

Река Дон стала символическим центром новой русской территории, названной ее именем. Образ Дона является ключевым образом в фольклоре донских казаков – символом их свободы, дома, семьи и памяти о геро-

ическом прошлом. В донских фольклорных текстах, прежде всего в песнях, Дон олицетворяется и наделяется эпитетами: *Дон-батюшка, Дон Иванович, кормилец, славный, Тихий Дон*, ср.:

Ой, ты, кормилец, только скажем, Тихий Дон,
 Доночек Ива... Дон Иванович...
 Ой, протекал-то, скажем, славный Тихий Дон,
 Ой, ты с верьху до... с верьху до низу...
 Ой, про тебя ли, только скажем, Тихий Дон,
 Ляжит слава до... слава добрая...
 Ой ну, ещё-то только, скажем, ну ляжит,
 Ляжит речь хоро... речь хорошая... [Листопа-
 дов: 400]

В текстах донских заговоров также представлены гидронимы, указывающие на почтительное отношение казаков к рекам:

«Во имя отца и сына. Дон Иванович, Бузулук Сарафонович, Медведица Карповна. Все реки столбовые, наполненные, бегут они сверху до низу, обмывают ветви, корни, крутые берега, жёлтые песка. Обмойте печаль-тоску с его рук, с ног, с буйной головышки, с его ретивого сердца» [Проценко: 167],

«Здорово, Василий царь Донец и ты Иорданская вода. Смываешь ты яры и берега. Смываешь ты ветви и корни. Смой и смахни с раба божьего (имя) рожденного, крещенного, молитвенного, все скорби, болезни, грусть, тоску ветренаю, вихриннаю и замыслиннаю, с буйной головы, с русских волос» [Там же: 165].

Б.Н. Проценко пишет: «Появление отчества у имени Дон вполне объяснимо: Дон берет начало в Иван-озере, что же касается его притоков, то их связи с Сарафонтом и Карпом остаются загадкой» [Проценко: 25]. Кстати, если принимать во внимание, что ни историкам, ни этнографам, ни географам отчества Бузулука и Медведицы не известны, тексты заговоров следует считать единственным источником этих сведений. Об особом отношении к Дону свидетельствуют и многочисленные диалектные устойчивые выражения, в которых, в частности, акцентируется внимание на особом статусе казаков и их происхождении, ср.: *родился – ноги были в Дону; пусть знает ворог, что казаку Дон дорог*.

В славянской мифологии вода, водные объекты представляются тонкой, проницаемой границей между этим и тем светом, между земным миром и подземным царством, на которой и происходит борьба добра со злом, поэтому в текстах народных заговоров названия самых разных водоемов (*река, реченька, болото, родники*) являются часто встречающимися компонентами и одновременно связаны с идеями пространства и пути, например:

«Реченька ты быстрая, колодец ключевой и холодный, смывайте вы крутые берега, жёлтые пески, глины-колоды, тёмные леса, зелёные луга. Смойте рабе божьей (имя) дурной глаз» [Проценко: 147];

«Святая водичка Ярданская, ты текёшь со всех рек, со всех болот, со всех крутых берегов, обмываешь все корешки, все камешки, вырываешь из 12 ключей песку, вызываешь из раба божьего (имя) тоску, сухоту и присуху» [Там же: 167].

Традиция поэтизации образа Дона была воспринята и донскими писателями, особая роль в этом принадлежит, безусловно, М.А. Шолохову. Образ реки – один из центральных образов в произведениях писателя, и это не только географическая привязка, это своего рода квинтэссенция духовно-материальных начал культурного ландшафта территории.

Метафорическое название главного произведения М.А. Шолохова – «Тихий Дон» – это многогранный символ донского казачества, его уклада, нравственных устоев, нарушенных историческими событиями. Река в идиостиле писателя символизирует саму человеческую жизнь: «Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекаате, мельчает настолько, что видно поганенькую ее россыпь, – завтра идет она полноводная, богатая» [Шолохов 1956: 362].

Диалектная лексика, которую активно использует М.А. Шолохов в своих произведениях, не только отражает региональную языковую специфику его текстов, но служит

маркером особого типа мировосприятия сельских жителей, их тесной связи с природой. Именно в диалектной речи, в отличие от литературного языка, природный мир и чувства людей представлены крайне детализированно и взаимно опосредованно, одни и те же реалии могут иметь разные наименования в зависимости от актуализации тех или иных признаков, которые являются релевантными для диалектоносителей. М.А. Шолохов в начале третьей части романа как бы предсказывает наступление войны описанием изменения русла реки: «Против хутора мелел Дон, и там, где раньше быстрилось шальное стремя, образовался брод, на тот берег переходили быки, не замочив спины. Ночами в хутор сползала с гребня густая текучая духота, ветер насыщал воздух пряным запахом прижатых трав. На отводе горели сухостойные бурьяны, и сладкая марь невидимым пологом висела над обдоньем» [Шолохов 1956: 241]. В этом отрывке текста использованы диалектизмы *стрема*, *гребень*, *отвод*, *марь*, *обдонье*, ярко характеризующие состояние природы. Интересен народный географический термин *стрема*: по данным «Словаря русских народных говоров», лексема в гидрографических значениях хорошо известна в большинстве южнорусских говоров, в том числе донских, чаще всего употребляется для обозначения быстрого течения в реке [СРНГ 41: 327]. В «Донском словаре» А.В. Миртова *стрема* определяется

как 'струя, сильное течение' [Миртов: 312]. В тексте Шолохова диалектизм сопровождается эпитетом *шалъное*, что, с одной стороны, указывает на интенсивность проявления семантического признака 'быстроты', с другой стороны, раскрывает отношение автора к описываемым событиям как к чему-то неправильному, противоречащему нормальной жизни, приводящему к ее обмелению.

Шолохов также использует здесь диалектный глагол *быстриться* 'спешить, торопиться', 'резвиться' [СРНГ 3: 350], что тоже имеет одновременно прямое и символическое значение: это и особенность природного явления, и намек на то, каким было естественным, ничем не нарушаемым прежде течение самой жизни людей.

В донских говорах, как было уже отмечено выше, представлена многочисленная группа слов, характеризующих особенности местного водного ландшафта. Диалектные названия реки отражают представления о ней как о физико-географическом объекте, важной части хозяйственной деятельности населения и водном пути. Помимо общих наименований *река* и *речка*, в лексиконе говоров имеются названия рек по отличительным особенностям, например, по характеру течения – *варгунка*, *проносная река* 'река с очень быстрым течением' («Варгунка – буйная речка иль ручей» (полевой архив автора, далее – ПАА)). Географический апеллятив *варгунка*, по-видимому, этимологически связан с диа-

лектным глаголом *варгáнить* 'кипеть, закипать' [СРНГ 4: 46], то есть по представлению донских диалектоносителей это река, которая быстро движется, с шумом, «закипает» (ср. также название донских рек Лихая и Быстрая). Помимо общеупотребительного слова *русло* и его акцентологического варианта *руслó*, донские казаки активно употребляют диалектные названия части структуры реки – *водоток*, *водотока*, *проточина*, *протока*, наименования русла по отличительным особенностям – *прямина*, *тарица*, *стародонье*, *теклина*, *огибь*, *старое русло*, *сухой проток*. Этот факт демонстрирует отличие общезыковой картины мира от диалектной, для которой характерна предельная детализация в номинации объектов окружающего мира.

Группа наименований быстрого течения реки и метонимически связанного с ним названия места в реке с быстрым течением представлена в донских говорах следующими апеллятивами: *быстрик*, *быстряк*, *быстрина*, *быстринка*, *быстрянка*, *быструшка*, *стрема*, *стрешина*, *струя*, *понос*, *сарма*. Примеры употребления:

«Стремнина, ну самое быстрое место на реке, чаще под крутым берегом, она его и подрезает»; «На струе рыба ловится лучше, ещё быстриной её называют»; «Там на быстрине не купались, там сносит»; «Вот быстринка где, где быстро вода идёт, вода там не замерзает»; «По-казацки понос называется: вот она вода быстро идёт так вперёд, а потом

раз и завертает назад опять, всегда на этом месте весной, когда лёд сойдёт, и вот такое где место попадётся, ставишь сетку»; «На сарме течение быстрое» (ПАА).

Большая часть слов имеет прозрачную внутреннюю форму, они мотивированы исконными русскими корнями *быстр-*, *стрем-* (*стру-*), *-нос-*, что связывает донские географические термины с общерусской системой: все слова являются общедialeктными, фиксируются в разных частях русского диалектного континуума и отражают фрагмент национальной языковой картины мира. Нередко встречаются указанные апеллятивы и в художественных текстах, ср. у Шолохова: «На аспидно-черном небе в томительном безмолвии вспыхивают золотые зарницы, падают звезды, отражаясь в текучей быстрине Дона» [Шолохов 1957: 62]. Используя слово *быстрина*, автор «Тихого Дона» показывает мощь природы и неумолимое, вечное движение жизни.

Среди донских диалектизмов внимание привлекает слово неисконного происхождения *сарма*, лексическое значение которого представлено контаминацией семантических признаков 'быстрота' и 'глубина': в донских говорах диалектизм известен в значении 'глубокое место в реке с быстрым течением', а также 'мелководье', 'протока', 'брод, пережат на реке' [БТСДК: 472]. За пределами донской территории лексема известна в некоторых

южнорусских говорах (белгородских, воронежских) в значениях 'глубокое место в болоте' и 'болото'. Учитывая активность языковых контактов донских казаков с тюркскими народами, логично предположить заимствованный характер донского географического апеллятива и, следовательно, его узколокальное распространение в русских говорах. Таким образом, диалектизм входит в число компонентов регионального фрагмента общерусской языковой картины мира.

Еще одной многочисленной группой гидронимических апеллятивов в донских говорах является группа наименований водоворота в реке, насчитывающая около тридцати лексических единиц, отражающих различные мотивационные признаки: *буй*, *крутоверт*, *крутоверть*, *крутоворот*, *бурун*, *колоброд*, *вереть*, *вертушка*, *завереть*, *заверть*, *круча*, *кручень*, *коловёрт*, *коловерть*, *колдоворот*, *коловертень*, *коловорот*, *крутей*, *крутель*, *крутень*, *крутина*, *крутелка*, *оборот*, *круговорот*, *бурчук*, *бучило*, *водоворонка*, *лейка*, *банкрут*, *колдобан*. Это природное явление в сознании людей ассоциируется с опасностью для жизни, поэтому, давая ему названия, диалектоносители актуализируют наиболее значимые характеристики объекта: интенсивность движения воды в водовороте, хаотичность движения воды в водовороте, вращательное движение воды, шум, издаваемый вращающейся водой, конфигурацию водоворота, образование подводных ям на месте

водоворота. Многочисленные примеры употребления слов в живой речи показывают отношение диалектоносителей к водовороту как потенциально опасной природной стихии:

«В Дону попадешь в коловертъ, там закрутить, там без конца вода крутить»; «Колдоворот на Дону бывает, когда вода крутит лодку и могёт перекинуть»; «Ну это ж вот коловорот там у речках бывает, там скрозь мелко, а тут ямку выбило, что можно утонуть, ну это когда быстрая вода»; «Оборот вот так крутить затягивает, это в речке такое бывает»; «Сильное течение, такое, что крутит и затягивает, бум зовут»; «Попал баркас в крутоворот, да насилиу выехал»; «Да там буруны, куда вы пойдёте, а буруны – это уже знают, что там смертельно, то есть там закрутит тебя, завертит» (ПАА); «Купаться нельзя: в бучило как затянет, закрутит, и потопнем» [БТСДК: 64].

Наименования водоворота нередко становятся основой для образования диалектных фразеологизмов (например, *змеева кручень* ‘безвыходное положение’, *крутиться как в коловерти* ‘быть в беспрестанных хлопотах’), которые метафорически переносят значение с прямых (природных) образов на переносные, связанные с состоянием человека. Подобное переосмысление, связанное с оценкой происходящих в человеческом обществе событий, мы наблюдаем в названии одного из ранних рассказов М.А. Шолохова – «Коловерть». Примечательно, что само сло-

во *коловерть* ни разу не встречается в тексте рассказа. Коловерть – это метафора, символ хаоса, непреодолимого бедствия, в которое оказываются вовлечены люди в разгар братоубийственной гражданской войны. Писатель этим названием акцентирует внимание на губительной сути этого исторического события, в которое, как в воронку, постепенно затягивает людей, убивая в них лучшие человеческие качества. Литературоведы отмечают своеобразную композицию рассказа, построенную по типу кружения, хаотичного развития сюжета. Следовательно, образ коловерти выходит за рамки исключительно географического пространства и становится универсальным символом опасности в картине мира диалектоносителей и писателя.

Река в представлении донских казаков – это не только элемент ландшафта, природная, порой опасная стихия, но и прежде всего объект хозяйственной деятельности. Рыболовство, особенно на Нижнем Дону, до сих пор является важнейшим промыслом, что отражается в большом количестве лексики, описывающей его: названиях мест для рыбалки, времени лова, рыболовных снастей, способов ловли рыбы, пород рыбы, блюд из рыбы. В многочисленных полевых записях диалектной речи отражается особое отношение казаков к реке как кормилице:

«А у нас в тридцать третьем ничего не было, голодали, мать лепешки из крапивы пекла. Если бы

не речка, с голоду помёрли бы. С реки все и кормились. Мальчишки и раков, и жириков ловили. А уж отец если рыбы принесет, так вообще пир»; «Старые казаки рассказывали, что раньше ловили гуртом, а потом делили рыбу между собой. А если вдова какая или бабушка с дедушкой, так им просто так давали. Делились. Вот как с реки жили» (ПАА).

Рис.1. Дон в станице Раздорской¹

В донских говорах сформировался большой пласт устойчивых выражений, в состав которых вошли ихтионимы, при этом сами ихтиологические компоненты, безусловно, десемантизировались, ср: *ходить как белорыбица* ‘медленно, степенно двигаться’, *вы-*

сохнуть на балык ‘сильно исхудать’, *ходить как линь по дну* ‘лениво, медленно двигаться’, *ловить чекомасов носом* ‘находиться в состоянии полусна, дремать’, *водить (тягать) чекомасов* ‘находиться в состоянии полусна, дремать’, *как щучка съела* ‘кто-либо неожиданно исчез, пропал, убежал’, *лечь как сом на икре* ‘о бездельнике’, *поворачиваться как сом в вентере* ‘делать что-либо лениво, вяло, быть неповоротливым’ и др. [БТСДК; СДГВО]. Наличие подобных образных сравнений показывает своеобразие культурного опыта и бытовой традиции донских казаков, формирует специфику их диалектной картины мира.

Природа донского края, река Дон остаются центральными художественными образами и в современной донской региональной литературе. Б.П. Екимов, автор большого количества рассказов и очерков, немало места отводит описанию природы и сельского быта современных жителей Дона. В рассказе «Стенькин курган» читаем:

«Далеко внизу спокойно синел Дон, посверкивая под солнцем рыбьей чешуей волны... Прибрежные займища, заливные луга, задонские пески с сутулыми кучугурами, поросшие вербой, пшеничные, ячменные, кукурузные поля, пастбища с маковым крапом стада, далекие немые селенья, блестящие

¹ В статье использованы фото, сделанные автором во время диалектологических экспедиций.

стеклышки озер и прудов – все уместилось на просторной земной ладони, теплой зеленой ладье, куда-то плывущей рядом с облаками по солнцем пронизанному, бескрайнему миру» [Екимов 2004: 46].

Рис. 2. Дон у станции Мелиховской

Образ реки в идиостиле Б.П. Екимова неразрывно связан с жизнью хуторян-тружеников:

«Тихая река, большая луна над холмами. Дух пресной воды, чакана, камыша; от холмов – еле слышный пахучий вей терпких степных трав. Ночная река темна и просторна, берега – молчаливы. Луна серебрит маковки высоких тополей, верб, золотит зыбкую дорожку поперек реки. Ночное безмолвие напоминает о том, какие далекие версты: воды, леса, поля, безлюдные и молчаливые, – стерегут эту густую тиши-

ну, в которой даже падающая звезда еле слышимо, но звучит, словно рвется что-то далекое, легкое... Все ушло: дневная усталость, заботы. Осталась лишь ночь, парное тепло воды, близкой земли, терпкий и пресный дух. И бередящее душу: вот она – жизнь» [Екимов 2002: 55];

«На прогретой воде просторных донских разлилов: в протоках, ериках, озерах, затопленных луговинах – с шумом и плеском кипят рыбы свадьбы. Цветет шиповник розовым цветом и алым: это – знак, это – пора нереста, икромета. ... Над полой водой, меж деревьями и кустами, днем и ночью слышится легкий неумолчный слитный звон. Это поет весна. Но слышат ее не все. У хуторского народа в пору весеннюю много работы: в полях, огородах, садах, на дворах, возле скотины и птицы» [Екимов 2014: 19].

Таким образом, анализ функционирования гидронимической лексики в диалектном дискурсе и региональном художественном тексте показал, что представления о реке, водном пространстве, его частях занимают важное место в концептосфере жителей Дона. Это подтверждает и высокая плотность номинативного поля, и многообразие диалектных речных терминов, и предельная детализация при наименовании водных объектов, и, наконец, высокая степень символизации образа реки в донских художественных и фольклорных текстах, благодаря чему формируется региональная идентичность. Символизм и высокая значимость реки в культуре и повседневной жизни ко-

ренного донского населения демонстрируют спаянность географического пространства с мифологическим и историческим контекстом. Дон в языковой картине мира жителей исследуемой территории – это их особенное сакральное пространство, определяющее быт, культуру и самосознание.

Литература

Большой толковый словарь донского казачества: около 18000 слов и устойчив. словосочетаний / под ред. В.И. Дегтярева и др. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003.

Екимов, Б. На хуторе, рассказы // Новый мир. № 5. 2002. С. 55–92.

Екимов, Б.П. Белая дорога: Рассказы. Волгоград: Издатель, 2004.

Екимов, Б. Осень в Задонье // Новый мир. № 10. 2014. С. 9–92.

Костин, А.М. Вода // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 268–277.

Листопадов, А.М. Песни донских казаков. Т. 1. Ч. 2. М.: Музгиз, 1949.

Миртов, А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону: Кубполиграф, 1929.

Проценко, Б.Н. Заговоры, обереги, поверья, приметы: духовная культура донских казаков. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011.

Словарь русских народных говоров. М.–Л.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

Шолохов, М.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1956–1960. Т. 2: Тихий Дон: роман. 1956.

Шолохов, М.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1956–1960. Т. 5: Тихий Дон: роман. 1957.

References

Degtyarev, V.I. (Ed.). (2003). *Bolshoj tolkovyj slovar donskogo kazachestva: okolo 18000 slov i ustojchiv. slovosochetaniy* [The large explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari: Astrel: AST.

Ekimov, B. (2002). Na hutore, rasskazy [On the farm, stories]. *Novyj Mir* [New World], 5, 55–92.

Ekimov, B.P. (2004). *Belaja doroga: rasskazy* [White road: stories]. Volgograd: Izdatel.

Ekimov, B. (2014). Osen v Zadonje [Autumn in Zadonye]. *Novyj Mir* [New World], 10, 9–92.

Kostin, A.M. (2007). Voda [Water]. In V.I. Karasik & I.A. Sternin (Eds.) *Antologija konceptov* [Antology of concepts]. Moscow: Gnozis, 268–277.

Koudryashova, R.I. (Ed.). (2011). *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. Volgograd: Izdatel.

Listopadov, A.M. (1949). *Pesni donskih Kazakov* [Songs of the Don Cossacks] (Vol. 1). Moscow: Muzgiz.

Mirtov, A.V. (1929). *Donskoj slovar. Materialy k izucheniju leksiki donskih kazakov* [Don Dictionary. Materials for studying the vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: Kubpolygraph.

Procenko, B.N. (2010). *Zagovory, oberegi, poverja, primety: duhovnaja kultura donskih kazakov* [Conspiracies, amulets, beliefs, omens: the spiritual culture of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: Feniks.

Sholohov, M.A. (1956). *Sobranie sochinenij: V 8 t.* [Collected works in 8 Vols.] (Vol. 2). Moscow: Goslitizdat.

Sholohov, M.A. (1957). *Sobranie sochinenij: V 8 t.* [Collected works in 8 Vols.] (Vol. 5). Moscow: Goslitizdat.

Slovar russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects] (Vols. 1-52). (1965–2021). Moscow – Leningrad: Nauka.

Для цитирования: Флягина, М.В. Концептуализация географического пространства в устной речи носителей донских говоров и донском художественном тексте // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т. 11. № 2. С. 63–74. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-63-74

For citation: Flyagina, M.V. (2026). Conceptualization of geographic space in the oral speech of Don dialect speakers and Don literary texts. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (2), 63–74. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-63-74

CONCEPTUALIZATION OF GEOGRAPHIC SPACE IN THE ORAL SPEECH OF DON DIALECT SPEAKERS AND DON LITERARY TEXTS

Marina V. Flyagina, PhD in Philology, Head of the Department of General and Comparative Linguistics at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. This article explores the principles underlying the conceptualization of geographic space in the oral tradition of the Don Cossacks and in Don literary texts. The study notes that representations of geographic space not only construct a holistic perception of the territory as a distinct cultural and symbolic space but also help identify the factors that contributed to the formation of the regional linguistic worldview. Of particular significance in this context are the settlement history of the Don region and the socio-economic relations that developed there. Water plays a crucial role in the conceptualization of the Don geographic space, with the River Don serving as the central image. It became not only the geographic but also the symbolic center of the new Russian territory named after it. Drawing on hydronymic appellatives, the article analyzes the lexical manifestations of the conceptual and metaphorical levels of this concept and identifies its axiological dimension as presented in dialectal speech and literary texts. It is demonstrated that in the dialect, the river is conceptualized not merely as a landscape feature, but as a vital focus of human economic and spiritual activity. In folklore texts, designations of water bodies are highly symbolic and reflect the deep interconnection between geographic space and its mythological and historical contexts. In Don Cossack songs and proverbs, the Don serves as a symbol of freedom, home, family, and the memory of a heroic past. Meanwhile, incantations link the traditional beliefs of the region's inhabitants to the broader pan-Slavic traditional spiritual culture, where bodies of water are depicted as a permeable boundary between this world and the otherworld, serving as the battleground for the struggle between good and evil. The inclusion of dialectal vocabulary in regional literary texts lends authenticity to the depiction of Don Cossack life and integrates seamlessly into the broader system of literary imagery, enabling writers to illustrate the inextricable link between the Cossack way of life and nature.

Key words: Don dialects, Cossacks, images of geographical space, dialectisms, image of a river, geographical appellatives

